

**Московский
журнал
международного
права**

**Moscow
Journal
of International
Law**

Научно-теоретический
и информационно-практический
журнал

Издается с 1991 года
на русском языке

Выходит один раз в три месяца
№ 2 (106) 2017 апрель-июнь

Содержание

Вопросы теории

- Нефёдов Б.И.* Регулирует ли международное право отношения с участием лиц? (*Часть 2*) 3
Boris I. Nefedov. Does International Law Regulate Relations with Participation of Individuals?
(*Part II*) 3
- Толстых В.Л.* Государство в историческом и международно-правовом контексте 18
Vladislav L. Tolstykh. State in the Historical and International Legal Context 18

Права человека

- Энтин М.Л., Энтина Е.Г.* Влияние права прав человека на прогрессивное развитие
современного международного права. (*Часть 1*) 29
Mark L. Entin, Ekaterina G. Entina. The Impact of Human Rights Law on the Progressive
Development of Contemporary International Law. (*Part I*) 29
- Скрябина Л.Ю.* Международные стандарты и рекомендации в вопросах охраны
здоровья авиационного персонала 45
Larisa Y. Skryabina. International Standards and Recommended Practices on the Questions
of Health Care of Aviation Personnel 45

Право и политика

- Мезяев А.Б.* Международно-правовые аспекты государственного переворота в Гамбии . . . 54
Aleksandr B. Mezyaev. International Legal Aspects of the coup d'état in Gambia 54

Международное воздушное право

- Малеев Ю.Н.* Девятая «свобода воздуха» или скрытый каботаж 63
Yuri N. Maleev. Ninth "Freedom of the Air" or Hidden Cabotage 63

Международное космическое право

- Юзбашьян М.Р.* Закон США об исследовании и использовании космических ресурсов
2015 г. и международное космическое право 71
Mariam R. Yuzbashyan. The US Space Resource Exploration and Utilization Act of 2015
and the International Space Law 71

Международное уголовное право

- Глотова С.В.* Преступление агрессии: к 70-летию вынесения Приговора
Нюрнбергским трибуналом 87

Svetlana V. Glotova. Crime of Aggression: Some Legal Issues of the Definition in the Nuremberg Statute and Rome Statute of International Criminal Court. 87

Международное и национальное право

Ракитская И.А. Основные этапы развития избирательного права и избирательной системы в Швеции 97

Inna A. Rakitskaya. The Main Stages of Development of Electoral Law and Election's System in Sweden 97

Международные организации

Абашидзе А.Х., Маличенко В.С. Деятельность международных организаций по всеобщему обеспечению доступа к лекарственным средствам в условиях развития механизмов защиты прав интеллектуальной собственности. 107

Aslan Kh. Abashidze, Vladislav S. Malichenko. The Activities of International Organizations on the Ensuring of a Universal Access to Medicine in the Conditions of the Development of Mechanisms Protecting Intellectual Property Rights 107

Шинкарецкая Г.Г. Роль международных организаций в формировании и поддержании правопорядка в Северном Ледовитом океане 118

Galina G. Shinkaretskaya. The Role of International Organizations in the Process of Formation and Maintenance of Legal Order in the Arctic Ocean 118

Суханов В.А., Дулова И.Е. Правовые аспекты деятельности международных организаций по противодействию коррупции 128

Vladislav A. Sukhanov, Irina E. Dulova. International Organizations against Corruption: a Legal Instrument in Anti-Corruption Fight. 128

Международное экономическое право

Воронцова Н.А. Создание сетевых альянсов Российской Федерации с иностранными государствами и международными организациями 136

Natalia A. Vorontsova. Creation of Network Alliances of the Russian Federation with Foreign States and International Organizations 136

Международное экологическое право

Дудыкина И.П. Международно-правовое содержание концепции устойчивого развития (анализ зарубежных доктрин) 144

Inna P. Dudykina. The Concept of Sustainable Development from the Point of International Law (Analysis of Foreign Doctrines) 144

Голоса молодых

Баглариду М.Ф. Возмещение морального вреда в практике Европейского суда по правам человека 154

Maria F. Baglaridu. Compensation of Moral Damage in Practice of the European Court of Human Rights. 154

Молчаков Н.Ю. Конституционно-правовой статус Шотландии сквозь призму британского регионализма. К очередному юбилею Акта о Соединении 1707 г. 161

Nikita Y. Molchakov. Constitutional Status of Scotland in the Light of the British Regionalism. To the Jubilee of the Act of the Union of 1707. 161

Юбилей

85 лет профессору В.С. Верещетину 174

85 years to Professor Vereshchetin. 174

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

DOI:10.24833/0869-0049-2017-2-106-3-17

Борис Иванович НЕФЕДОВ

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
проспект Вернадского, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

boris-nefedov@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-7762-5979

РЕГУЛИРУЕТ ЛИ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО ОТНОШЕНИЯ С УЧАСТИЕМ ЛИЦ? ЧАСТЬ 2

АННОТАЦИЯ. *Международно-правовые нормы при определенных условиях могут непосредственно регулировать отношения с участием физических и юридических лиц. Исходя из тезиса о том, что правовая природа источника норм, регулирующих общественные отношения, предопределяет характер (родовую и типовую принадлежность) возникающего правоотношения, а также правосубъектность участвующих в нем лиц, следует сделать вывод о том, что индивиды являются субъектами международных межгосударственных отношений, а также субъектами международного права. Но индивиды не являются, ни субъектами международного права, ни субъектами международных межгосударственных отношений. Решение этой проблемы связано, во-первых, с выделением в качестве нового самостоятельного типа общественных отношений трансграничных общественных отношений. Только эти отношения могут регулироваться самосисполнимыми международно-правовыми нормами. Во-вторых, с тем, что в основе определения типовой принадлежности того или иного правоотношения лежит вовсе не типовая принадлежность регулирующей нормы (или ее источника), а предмет и метод правового регулирования. В соответствующих случаях*

физические и юридические лица являются субъектами не международных межгосударственных, а трансграничных правоотношений. Поскольку в механизме правового регулирования трансграничных отношений стали принимать участие как коллизионные, так и материальные нормы всех допущенных каждым конкретным государством к их урегулированию правовых систем, произошло формирование не новой по типу правовой системы, а новых по типу структурных элементов права как такового, которые мы называем межсистемными образованиями. Такие образования стали выступать важными элементами права и даже получили название «право» (международное частное право, международное таможенное право, международное налоговое право и др.), хотя правовыми системами или самостоятельными отраслями национального права они не являются. В соответствующих случаях физические и юридические лица являются субъектами не международного права, а межсистемных образований.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *типы общественных отношений, трансграничные правоотношения, межсистемные образования, предмет и объект международного договора*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Нефедов Б. И. 2017. Регулирует ли международное право отношения с участием лиц. (Часть 2). – *Московский жур-*

нал международного права. №2 (106). С. 3-17.
DOI: 10.24833/0869-0049-2017-2-106-3-17

THEORETICAL ISSUES

DOI: 10.24833/0869-0049-2017-2-106-3-17

Boris I. NEFEDOV

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
boris-nefedov@mail.ru.
ORCID: 0000-0002-7762-5979

DOES INTERNATIONAL LAW REGULATE RELATIONS WITH PARTICIPATION OF INDIVIDUALS? PART 2

ABSTRACT. *International legal norms can (under certain conditions) directly regulate relations with participation of individuals and legal entities). Based on the idea that the legal nature of the source of rules, governing social relations, determine the nature of the (generic and standard accessory) arising legal relations, as well as the personality of people involved, an as-sumptive conclusion is that individuals are subjects of international law, and the relationship with their participation - international inter-state relations. On the other hand, individuals are subjects of international law and relations including their participation are not international inter-state relations. The solution to this problem, which seems to be unsolvable, is associated, firstly, with the appearance as a new independent type of public relations cross-border social relations. Secondly, the fact that the basis of determination of this or that model is not a typical affiliation of regulations or their source, but the subject and method of legal regulation. In appropriate cases, individuals and legal entities are subjects of cross-border relationships. As conflict and substantive rules of all legal systems licensed by each state to settle cross-border*

relations have started to participate in the mechanism of legal regulation of these relations, there was a formation of not a new type of legal system, but a new type of the structural elements of the law itself, which we call inter-system entities. Formations of this kind have become important elements of the law, and they even received the name of «law» (private international law, international customs law, international tax law etc.), although they are not legal systems or separate branches of national law. In appropriate cases, individuals and legal entities are not subjects of international law, but subjects of intersystem entities.

KEYWORDS: *types of social relations, cross-border legal, cross-system education, the subject and the object of an international treaty*

FOR CITATION: Nefedov B.I. Does International Law Regulate Relations with Participation of Individuals? (Part 2). – *Moscow Journal of International Law.* 2017. №2 (106). P. 3-17.
DOI: 10.24833/0869-0049-2017-2-106-3-17

Из содержания первой части нашей статьи видно, что ревизии (да еще в разных плоскостях) были подвергнуты условия почти всех отправных тезисов основной проблемы теории общего международного права. Всех, кроме первого, сама возможность ошибки в условиях которого, ни одним, ни отечественным, ни зарубежным ученым, даже не рассматривалась. Но именно в нем, по нашему мнению, и находятся истоки возникновения самой этой проблемы.

Напомним его содержание: Существует только два типа права (международное право и национальное право отдельных государств), которым соответствуют два типа регулируемых ими отношений – международные отношения и внутригосударственные отношения. Отсюда следует вывод: какова природа регулирующих данные отношения норм права – таковы и правоотношения, а, следовательно, субъекты правоотношений и субъекты права.

Но так ли это?

В настоящее время действительно существует только *два типа права*: международное право и национальное право (в виде права отдельных государств), а вот типов общественных отношений (а, значит, и правоотношений) существует *не два, а три*.

Во-первых, это – международные межгосударственные отношения межвластного характера. Их признаки общеизвестны и не нуждаются в корректировке. Во-вторых, это – внутригосударственные отношения. По нашему мнению к ним относятся отношения между субъектами национального права, не отягощенные иностранным элементом, возникающие и существующие, с формальной точки зрения, в пределах юрисдикции одного государства и легитимно регулируемые в рамках его национального правопорядка.

В-третьих, это – *трансграничные отношения*, т.е. отношения с участием субъектов национального права, но осложненные иностранным элементом, в силу которого они выходят за пределы регулирования одного национального правопорядка и на урегулирование которых одновременно претендуют (могут претендовать) нормы нескольких правовых систем.

Признаки иностранного элемента были определены и закреплены в международном частном

праве еще в XIX в. Считается, что такие отношения возникают в тех случаях, когда один из субъектов является иностранцем; объект отношений находится за границей; юридический факт, с которым связывается возникновение, изменение или прекращение правоотношения, происходит за границей. Именно этот иностранный элемент придает трансграничным отношениям новое существенное качество (выводит их за пределы регулирования одного национального правопорядка), и это обстоятельство настоятельно потребовало иных, ранее не известных подходов к правовому регулированию общественных отношений с участием физических и юридических лиц.

Однозначного подхода к правовой природе трансграничных отношений в науке не сложилось. Это проявилось даже в их наименовании (что неизбежно создает только дополнительную путаницу). Часто их называют трансграничными отношениями (под этим наименованием и мы будем говорить о них), но они же – международные не межгосударственные отношения. Они же – транснациональные отношения. Они же – внутригосударственные отношения, осложненные иностранным элементом. Они же (как разновидность) – диагональные отношения¹.

Что же выделяет эти отношения среди иных типов общественных отношений?

Прежде всего, отметим, что они занимают как бы промежуточное положение между двумя другими типами отношений. Так, общим для международных межгосударственных и трансграничных отношений является наличие у них иностранного элемента (хотя его проявление в рамках этих разных типов общественных отношений имеет свои особенности). Специфика же трансграничных отношений, по сравнению с межгосударственными отношениями, проявляется в их субъектном составе: хотя бы одной стороной этих отношений всегда является индивид, т.е. физическое или юридическое лицо. Второй же стороной могут быть как индивиды, так и, например, государства или иные субъекты международного права. Различны и методы их правового регулирования.

Общим для внутригосударственных и трансграничных отношений является как раз субъектный состав и общие методы правового регулирования, а специфика трансграничных отношений здесь проявляется в том, что они всегда отягощен-

¹ Прямо как в фильме «Место встречи изменить нельзя», когда Жеглов говорит Шарапову: «А ну-ка проверь... Ларичева Маня... она же Анна Федоренко... она же Элла Кацнельбоген... она же Людмила Огуренкова... она же Изольда Меньшова... она же Валентина Панеяд».

ны иностранным элементом, который отсутствует у внутригосударственных отношений.

Таким образом, трансграничные отношения не являются ни внутригосударственными отношениями в их чистом виде, ни межгосударственными отношениями. Их не следует рассматривать и как отдельную группу или вид общественных отношений² (которых, в зависимости от основания классификации, может быть сколько угодно). Это - самостоятельный (третий) *тип* общественных отношений.

Особенностью трансграничных отношений, как третьего типа общественных отношений, явилось то, что их выделение и формализация не сопровождалась (хотя такие попытки и предпринимались) созданием для их урегулирования «собственной» (третьей по типу) правовой системы, как это имело место для внутригосударственных и международных межгосударственных отношений. Ситуация осложнялась тем, что в условиях присутствия у трансграничных отношений иностранного элемента, на их урегулирование каждый раз стали одновременно (и не без оснований) претендовать нормы сразу несколько национальных правопорядков, а в дальнейшем еще и нормы международного права. Причем каждая из этих правовых систем полагала себя вправе рассматривать эти отношения в той или иной степени как «свои».

Эти обстоятельства не могли быть проигнорированы государствами. В результате в правовом регулировании трансграничных отношений стали принимать участие как коллизионные, так и материальные нормы *всех допущенных каждым конкретным государством к их урегулированию правовых систем*³. В их число сегодня, как правило, входят не только нормы собственной и иностранных национальных правовых систем, но и нормы международного права⁴. Подчеркнем, что внутригосударственные отношения при этом продолжают регулироваться исключительно национальным законодательством каждого государства.

Фактическая формализация трансграничных отношений в качестве самостоятельного типа общественных отношений в праве произошла еще в конце XIX - начале XX веков, но этот факт непостижимым образом прошел мимо внимания и отечественной и зарубежной науки⁵. Поразительно, но все участники неухающей в течение последних полутора столетий дискуссии вокруг основной теоретической проблемы общего международного права, не видят разницы между внутригосударственными и трансграничными отношениями, считают все регулируемые нормами международных договоров общественные отношения с участием физических и/или юридических лиц отношениями внутригосударственными.

При этом одни из них совершенно справедливо упирают на то, что международно-правовые нормы не предназначены для регулирования внутригосударственных отношений, но при этом включают в состав таких отношений все общественные отношения с участием индивидов, в том числе и трансграничные отношения, в результате чего их изначально верный тезис перестает отвечать существующим реалиям. Другие, в качестве возражения своим оппонентам, не менее обосновано указывают им на то, что их позиция противоречит и национальному законодательству многих государств, в том числе и России, и практике применения в них международно-правовых норм. Вот только, опять же, все они рассматривают общественные отношения с участием индивидов исключительно как внутригосударственные отношения. При этом ими не принимается во внимание то обстоятельство, что самоисполнимые международно-правовые нормы действительно могут непосредственно регулировать общественные отношения с участием индивидов, но не все из них, а только ту их часть, что мы называем трансграничными отношениями. Другую часть таких отношений (собственно внутригосудар-

² Тезис, который ранее уже высказывался Р.А. Мюллерсоном, В. М. Корецким и др., правда, применительно только к отношениям, регулируемым МЧП.

³ Сам феномен непосредственного применения государствами для регулирования отношений с участием индивидов норм права «чужих» правовых систем как раз и был обусловлен тем, что регулируемые такими нормами общественные отношения являлись *исключительно* трансграничными общественными отношениями.

⁴ Отсюда первоначально основной задачей для государств было разрешение возникающих коллизий между соответствующими разносистемными нормами.

⁵ Нет, сами трансграничные отношения были хорошо известны. Их исследованию и правовому регулированию посвящены многочисленные труды как отечественных, так и зарубежных ученых. Однако формализации в доктрине этих отношений как самостоятельного типа общественных отношений осуществлено не было. Тот факт, что новой по типу правовой системы для их урегулирования не было создано, сбил многих исследователей с толку. В результате они так и не смогли понять произошедшего и постоянно пытаются втиснуть эти новые по типу общественные отношения в старые рамки, рассматривая их как внутригосударственные, а иногда и как международные (межгосударственные) отношения, что никак не соответствует их правовой природе.

ственные отношения) нормы международного права непосредственно регулировать не могут.

К сожалению, аргументация сторонников второй точки зрения сводилась (и сводится) исключительно к цитированию законодательных и договорных норм. В них отсутствует какая-либо теоретическая база, объясняющая существование самоисполнимых международно-правовых норм. Это не могло (и не может) убедить их оппонентов по той простой причине, что их позиция в отношении регулирования внутригосударственных отношений была и остается верной. Тем более что другая сторона, не видя разницы между внутригосударственными и трансграничными отношениями, на непосредственном регулировании нормами международных договоров именно внутригосударственных отношений, продолжала (и продолжает) настаивать. Возникшая из неверного подхода подмена понятий стала причиной взаимного непонимания спорящими сторонами аргументов друг друга, а возникшее смешение между собой двух разных типов общественных отношений обрекло участников дискуссии на бесконечными схоластические споры.

И здесь важно обратить внимание еще на одно обстоятельство. Все авторы, пишущие о международной правосубъектности индивидов, никак не хотят (или не могут) понять одного: формула – *регулирующая общественное отношение норма права определяет не только права и обязанности субъектов отношения, но и характер (родовую и типовую принадлежность) возникающего правоотношения, а также правосубъектность участвующих в нем лиц*, давно утратила свою неоспоримость. Появление трансграничных отношений изменило эти «классические» подходы, поскольку они, в силу отсутствия у трансграничных отношений «собственной» правовой системы, фактически отказывают им в праве на существование. Отсюда следует вывод о том, что в основе определения типовой принадлежности того или иного правоотношения лежит не типовая принадлежность регулирующей нормы или ее источника, а предмет и метод (методы) их правового регулирования. Следствием этого является то, что от того, нормами какого права

урегулированы данные трансграничные отношения, они не изменяют своей правовой природы. Они не трансформируются во внутригосударственные отношения того или иного государства, если они урегулированы его национальным правом. Они не превращаются в международные межгосударственные отношения в том случае, если регулирующие нормы закреплены, например, в международном договоре. *Они остаются трансграничными отношениями.*

Не происходит никаких метаморфоз и с субъектами таких отношений. При правовом регулировании они не становятся субъектами тех или иных национальных правоотношений или субъектами международных правоотношений, а остаются *субъектами трансграничных правоотношений*, независимо от того, урегулировано ли данное отношение нормой закона или договора⁶.

С появлением в международном праве норм, направленных на непосредственное регулирование общественных отношений с участием индивидов, следует говорить не о появлении *новых видов субъектов международного права, а о появлении новых видов норм в международном праве.*

Какое же место занимают такие нормы в источниках международного права и, в частности, в международных договорах?

Начнем с того, что государства, прежде чем заключить международный договор, по которому они возьмут на себя обязательства, скажем, по идентичному правовому урегулированию тех или иных видов трансграничных общественных отношений⁷ должны согласовать объект договора, т.е. *по поводу чего заключается договор, по поводу чего государства берут на себя международные обязательства.* Объектом же такого договора как раз и является определенное урегулирование сторонами соответствующих трансграничных общественных отношений. При этом соответствующие договоренности *находят свое закрепление в правовых нормах* этого же договора⁸.

Нормы, определяющие объект договора сами по себе никогда непосредственно не регулируют отношения его сторон, не устанавливают юридические права и обязанности его участников, т.е. они не являются регулятивными нормами. И

⁶ Одни и те же трансграничные отношения даже могут быть поочередно урегулированы то нормой национального права, то (после заключения соответствующего международного договора) нормой международного права, то (по окончании действия этого договора) вновь нормой национального права, но при этом они не меняют своей правовой природы и остаются трансграничными правоотношениями.

⁷ При этом международное право, как правило, не предопределяют форму имплементации требований таких норм: вопрос о признании за ними значения норм непосредственно регулирующих трансграничные общественные отношения (самоисполнимых норм), каждое государство решает самостоятельно.

⁸ Тот факт, что подобные международно-правовые нормы формулируют объект соответствующего международного договора, не лишает их права называться международно-правовыми нормами.

вот тут мы подходим к главному. Новизна норм международного договора, направленных на непосредственное урегулирование трансграничных отношений как раз и заключается в том, что по своей природе эти нормы, с одной стороны, закрепляют объект договора, но с другой стороны, почти всегда являются именно регулятивными нормами, чего до их появления никогда не было. Правда, никаких революций в теории права при этом не произошло. Для международного договора (а, значит, и для международного права) эти нормы регулятивными все-таки не становятся, поскольку не устанавливают юридических прав и обязанностей для сторон, заключивших международный договор (т.е. для субъектов международного права). Они устанавливаются его иными нормами.

Но кроме понятия «субъект правоотношения» есть еще и понятие «субъект права», как быть с этим? Субъектами какого права становятся стороны трансграничного правоотношения, если правовая природа источника регулирующей его нормы для решения этого вопроса значения не имеет, а в механизме правового регулирования таких отношений стали принимать участие как коллизионные, так и материальные нормы всех допущенных каждым конкретным государством к их урегулированию правовых систем?

Все дело в том, что для регулирования трансграничных отношений произошло формирование не новой по типу правовой системы, а новых по типу структурных элементов права как такового, которые мы называем межсистемными образованиями⁹.

В России к таким образованиям можно отнести, например, международное частное право (МЧП), в рамках которого уже сейчас различают международное гражданское право, международное семейное право, международное трудовое право. Как о межсистемном образовании допустимо говорить и о международном административном праве, в рамках которого существуют международное таможенное право, международное налоговое право, международное финансовое право. Как о формирующемся межсистемном образовании допустимо говорить о международном уголовном праве и т. д. Они не имеют и не могут иметь конкретного перечня, поскольку в каждом государстве совокупность таких образований индивидуальна.

Эти межсистемные образования стали выступать важными элементами права и даже получили название «право», хотя правовыми системами или самостоятельными отраслями национального права они не являются.

Прежде всего, остановимся на основных подходах к этим образованиям, как правовому явлению, имеющих для верного понимания и правильного определения их правовой природы принципиальное значение. Оговоримся, что при этом мы будем довольно часто обращаться, прежде всего, к тем или иным характеристикам одной из самых известных разновидностей таких образований – МЧП, поскольку именно по ним в ходе обширнейшей научной дискуссии уже были высказаны, казалось бы, все возможные точки зрения.

Сформулируем нашу позицию в виде тезисов, изредка сопровождая их краткими комментариями:

1. Ключевым моментом для понимания сущности межсистемных образований является природа регулируемых ими транснациональных отношений, особенностью которых, как третьего типа общественных отношений, как уже отмечалось, является отсутствие у них «собственной» правовой системы. В этих условиях возник сложный механизм правового регулирования этих отношений. В нем стали принимать участие как коллизионные, так и материальные нормы и национального права соответствующего государства и международного права (признаваемые этим государством или общим международным правом в качестве норм, регулирующих данные отношения), и иностранных национальных правовых систем, легитимно допущенные к такому регулированию национальным правом или нормами международных договоров. Между такими нормами стали возникать особые виды устойчивой правовой связи, которые неизбежно, и в этом смысле объективно, потребовали от государств (а также от правоприменителей и доктрины)¹⁰ своего упорядочения.

В результате этих процессов для регулирования однородных трансграничных общественных отношений и стали формироваться самостоятельные и достаточно устойчивые межсистемные образования.

2. Межсистемные образования являются следствием существования множественности правовых систем. Можно смело утверждать,

⁹ О межсистемных образованиях см. подробнее: [Нефёдов 2012а; Нефёдов 2012b; Нефёдов 2012с].

¹⁰ Это, конечно же, не означает самостоятельного создания ими норм права. Их упоминание здесь объясняется тем, что мы находимся еще только в начальной стадии формирования большинства межсистемных образований.

что само их формирование начинается и происходит там и тогда, где и когда в правовом регулировании трансграничных общественных отношений возникает конкуренция между нормами права, принадлежащим различным правопорядкам.

3. Не все государства допускают к непосредственному регулированию трансграничных общественных отношений международно-правовые нормы. В тех государствах, где не признают существования самоисполнимых международно-правовых норм, межсистемные образования формируются только из собственных и иностранных норм национального права. В тех же государствах, где непосредственное применение международно-правовых норм для регулирования трансграничных отношений возможно, межсистемные образования формируются не только из норм собственного и иностранного права, но и норм международного права. При этом допустимо говорить, что, например, нормы международных договоров таких государств регулируют (могут регулировать) не только межгосударственные отношения, но и трансграничные общественные отношения.

4. Своеобразная двойственность трансграничных общественных отношений предопределила и двойственность источников регулирующих их норм права. Такая двойственность проявляется на уровне соотношения международной и национальных правовых систем в том, что в тех государствах, где допускается существование самоисполнимых норм, источниками межсистемных образований являются, в том числе, источники международного права.

Несмотря на очевидность такого вывода, как в отечественной, так и зарубежной доктрине единообразных подходов к самой возможности для источников международного права быть источниками межсистемных образований, не сложилось. Причины такой ситуации (в тех случаях, когда данное государство допускает существование самоисполнимых международно-правовых норм) все те же: они уходят корнями в неверные представления о существующих типах общественных отношений и особенностях их правового регулирования.

Так, целая группа отечественных авторов (М.М. Агарков, Л.П. Ануфриева, М.И. Брагинский, А.Л. Маковский, И.А. Грингольц, Г.К. Дмитриева, В.П. Звеков, С.Н. Лебедев, А.Б. Левитин, Д.Б. Катков, Е.В. Корчиги, А.Л. Маковской, А.П. Мовчан, Н.В. Орлова, В.С. Поздняков, М.Г. Розенберг, А.А. Рубанов, О.Н. Садилов, В.Л. Толстых, Н.А. Ушаков и др.), говоря о таком межсистемном образовании, как МЧП, вообще отрицает за источниками международного права такую возможность.

Дело в том, что они рассматривают его исключительно как «часть национального, внутригосударственного права», «самостоятельную отрасль внутригосударственного права» [Ануфриева 2002:4]. Отсюда ими делается вывод о том, что источниками МЧП могут быть только «те юридические формы, которые характерны для национального права вообще»¹¹. Международный договор (как и международный обычай), по их мнению, «не имеет прямого применения во внутригосударственной сфере и, следовательно, не является источником внутреннего права, в том числе международного частного права как одной из отраслей внутреннего права»¹². При этом они даже критикуют «за непоследовательность» тех авторов (Л.А. Лунц, Г.К. Матвеев, М.М. Богуславский и др.), которые, также считая МЧП частью национального права, все-таки признают за международными договорами и международно-правовыми обычаями характер источников МЧП¹³.

Эти подходы характерны не только для отечественной доктрины. Так, по мнению американских ученых М. Гэрисона и Р. Дейвиса, термин МЧП означает «систему внутригосударственных норм для разрешения коллизий» [Garrison, Davis, Reitzel, Severance 1994:1217]. Английский ученый Дж. Моррис, исходя из того, что «коллизонное право, или международное частное право, как его иногда называют, имеет мало общего с международным публичным правом»¹⁴, среди указанных им источников МЧП (статуты, судебные решения и доктрина) не называет ни международный договор, ни международный обычай¹⁵. Представители испанской научной школы К.А. Монзонис и Дж.К. Пастор пишут: «частное меж-

¹¹ *Международное частное право. Учебник.* Под ред. Г. К. Дмитриевой. Москва: ПБОЮЛ Гриженко Е. М. 2002. С. 68. Что касается международно-правового обычая, то, по их мнению, он также является исключительно «источником международного (публичного) права», а во внутренней сфере государства его действие «опосредуется национально-правовыми формами» (Там же. С. 96).

¹² *Международное частное право: учебник. 2-е изд.* Отв. ред. Г. К. Дмитриева. Москва: ТК Велби : Проспект. 2007. С. 86-87.

¹³ *Международное частное право. Учебник.* Под ред. Г. К. Дмитриевой. Москва: ПБОЮЛ Гриженко Е. М. 2002. С. 69.

¹⁴ Morris J.H. *The Conflict of Laws*. 2nd ed. London. 1980. P. 3.

¹⁵ Ibid. P. 7.

дународное право это область отечественного права, регулирующего частные международные правоотношения»¹⁶ и т.д.

Большая группа сторонников этой концепции (И.С. Перетерский, М.М. Богуславский, В.П. Звеков, С.Б. Лебедев, И.И. Лукашук, А.Л. Маковский, М.Х. Бабаев, Е.Т. Усенко и др.) отрицают за источниками международного права характер источников МЧП именно потому, что они стоят на позициях теории трансформации. Другие (Т.П. Гревцова, С.Б. Крылов, В.Ф. Мешера, А.И. Минаков и др.) считают, что те международно-правовые нормы, что непосредственно участвуют в регулировании общественных отношений в России, «независимо от того, воспроизведены эти правила во внутригосударственной правовой норме или нет» [Гревцова 1965: 173], автоматически становятся частью нашей национальной правовой системы. А раз они «непосредственно входят в совокупность норм», образующих наше национальное право [Мешера 1963:125], то и об источниках международного права как об источниках МЧП говорить не приходится¹⁷.

Правда, строгого разграничения взглядов, как это часто бывает в доктрине, здесь тоже нет, и некоторые авторы занимают в этом вопросе своеобразную промежуточную позицию. Так, Л.А. Лунц, например, считал, что трансформированные международно-правовые нормы остаются «внутригосударственными в том смысле, что они должны применяться и соблюдаться при регулировании определенных внутренних отношений, но они сохраняют автономность в отношении внутренней системы права в целом» [Лунц 1970:54].

Справедливости ради следует признать, что традиционным для отечественной науки, как в дореволюционное и советское время (Ф.Ф. Мартенс, А.Н. Макаров, В.М. Корецкий, И.С. Перетерский, Л.А. Лунц¹⁸, М.М. Богуславский¹⁹, О.Н. Садиков²⁰ и др.), так и в переходный и постсоветский период [Мюллерсон 1982:86; Храбсков 1982], является все-таки положение о двойственности источников МЧП. Да и современные российские законодательные формулировки, а также

правоприменительная практика свидетельствуют о том, что среди источников МЧП РФ присутствуют не только источники национального права, но и источники международного права.

Что касается слияния норм международных договоров с нормами национального права России в единую правовую систему, как это имеет место в некоторых странах англосаксонского права, то, по нашему мнению, в Российской Федерации это реально не произошло. Ни нормы международного, ни нормы иностранного права, допускаемые в качестве регуляторов общественных отношений в нашем государстве, не являются ни частью национального права России, ни частью ее национальной правовой системы. Каким бы образом иное не провозглашалось, эти нормы не меняют своего статуса и остаются нормами иных – международной или соответствующей иностранной национальной – правовых систем. Только нормы национального права России являются единственной нормативной составляющей ее национальной правовой системы.

5. Говоря об источниках международного права как источниках межсистемных образований, нельзя не упомянуть еще об одной проблеме, поднимаемой в доктрине. Часть авторов (А.Б. Левитин [Левитин 1987], Г.К. Матвеев²¹, Ж. Сталев [Сталев 1982:19] и др.), признавая за международными договорами и международными обычаями статус источников МЧП, включают в их число только те из них, что содержат исключительно коллизионные нормы, т.е. не содержат материально-правовых (унифицированных) норм. Отсюда, как считают уже упоминавшиеся М. Гаррисон и Р. Дейвис, термины «коллизионное право» и «международное частное право» вообще используются как взаимозаменяемые [Garrison, Davis, Reitzel, Severance 1994:1217]. Многие сторонники этой точки зрения идут еще дальше и исключают из числа источников МЧП также и те национальные нормативно-правовые акты, что содержат материальные правовые нормы, и в которых нет коллизионных норм. По их мнению, квалификация материальных норм в качестве норм МЧП не соответствует коллизионной природе МЧП и потому такие нормы, хотя и направ-

¹⁶ *Course Syllabus. Private International Law. 2011–2012.* URL: <http://centros.uv.es/web/departamentos/D65/data/tablon/megatablon/PDFTABLON1487.pdf> (accessed date: 15.05.2017)

¹⁷ Отметим, что ряд авторов идут еще дальше. Они полагают, что результатом действия коллизионной нормы является инкорпорация материальных норм иностранного права в отечественную правовую систему. См. подробнее: [Batiffol, Lagarde 1993:527].

¹⁸ Лунц Л.А. *Курс международного частного права.* В 3 т. Т. 1. Москва: Юридическая литература. 1970. С. 54.

¹⁹ Богуславский М.М. *Международное частное право. Учебник.* Москва. Юрист. 2004. .

²⁰ *Международное частное право. Учебник.* Отв. ред.: Садиков О.Н. Москва: Юрид. лит. 1984. С. 18.

²¹ Матвеев Г. К. Предмет, система и источники международного частного права. - *Международное частное право. Учебное пособие.* Под общ. ред.: Матвеев Г.К. Киев: Вища шк., 1985.С. 24.

лены на урегулирование отношений, которые мы называем трансграничными, не могут входить в нормативный состав международного частного права. Так, Дж. Чешир, например, включает в МЧП только национальные и при этом только кол-лизионные нормы права [North 1974:7]. Истоки такого подхода, по мнению Г. Кегеля, происходят из того, что МЧП «нацелено на поиск лучшего пространственного решения... в то время, как материальное право нацелено на поиск лучшего материального решения» [Kegel 1979:27].

С позицией этой группы авторов также трудно согласиться. Во-первых, сегодня (в том числе в рамках МЧП России) есть огромное количество материальных норм, направленных на регулирование трансграничных отношений. Поэтому международное частное право и «коллизионное право» давно уже перестали быть синонимами. Во-вторых, коллизионные нормы, как известно, сами по себе общественные отношения регулировать не могут. Их задача – дать ориентир в правоприменении, санкционировать в необходимых случаях применение норм права другой правовой системы, а при регулировании конкретных общественных отношений, действовать в сочетании с материально-правовой нормой. Поэтому деление источников права на источники или не источники межсистемных образований в целом и МЧП, в частности, в зависимости от наличия в них коллизионных или материальных норм, большинству ученых (не только отечественных, но и зарубежных²²) совершенно справедливо, на наш взгляд, представляется не только искусственным, но и принципиально неверным.

6. Межсистемные образования – правовое явление и потому не включают в себя какие-либо иные социальные нормы, регулирующие трансграничные общественные отношения, кроме норм права.

7. В основе формирования межсистемных образований всегда лежит сложившаяся в каждом конкретном государстве система его нацио-

нального права, которую каждое государство формирует по своему собственному усмотрению и исходя из господствующего в нем правосознания. В такую основу кладутся, прежде всего, крупные структурные элементы системы национального права (как правило, это отрасли права, подотрасли права и реже – институты права)²³, в результате чего не нарушается сложившиеся и ставшие общепринятыми в данном государстве подходы к формированию соответствующих совокупностей общественных отношений регулирующих их норм, методов их правового регулирования и т. д.

Под влиянием изменения в правосознании система права в государстве может изменяться. В результате могут возникать новые институты или отрасли права или наоборот, существующие в виде институтов и отраслей права совокупности правовых норм могут трансформироваться или вообще прекратить свое существование. Вслед за преобразованиями в системе национального права изменяется и состав межсистемных образований.

8. Трансграничные отношения не ограничиваются отношениями частноправового характера (предметом правового регулирования, например, МЧП), но могут носить и публично-правовой характер (предмет правового регулирования международного финансового права, международного налогового права, международного таможенного права и др.). Отсюда и основные методы их правового регулирования могут различаться от диспозитивного метода до метода властных предписаний. В качестве специальных методов правового регулирования трансграничных отношений выступают коллизионный и материально-правовой методы.

9. Представления о структурных элементах системы национального права (отрасли права, их институтов, межотраслевых образований, правовых подсистемах) в разных государствах в силу как объективных, так и субъективных факторов не совпадают, и поэтому совокупность видов

²² Так, чешский ученый П. Каленский относит к МЧП и коллизионные, и материально-правовые нормы [Kalensky 1971:287-290]. С ним солидарны такие представители болгарской науки, как В. Кутиков [Кутиков 1976:35 и И. Алтенов [Алтенов 1955:16-19, 49-55].

²³ Так – в России и странах континентального права. Конечно же, эта схема в других государствах, например в странах англосаксонского права, где деление права на отрасли внешне отрицается, а деление на публичное и частное существует только применительно к внешнеэкономической деятельности, может оказаться достаточно условной. Тем не менее, формирование межсистемных образований происходит и там. В основе такого формирования все равно лежит сочетание совокупностей норм хотя и разных правовых систем, но имеющих совпадающий предмет и метод правового регулирования.

²⁴ Во многих западноевропейских государствах, например, в Германии, административное право в части административной юрисдикции и вопросов ответственности за совершение административных проступков, рассматривается как часть уголовного права. Судебное привлечение к административной ответственности в этих государствах даже создает судимость в нашем уголовном и уголовно-процессуальном ее понимании. В России уголовное право и административное право – это самостоятельные отрасли права. Что касается вопросов административной юрисдикции, то этот вопрос не так давно был разрешен нашим законодателем, принявшим в марте 2015 года Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации. См.: Собрание законодательства РФ. 09.03.2015. № 10. Ст. 1391.

межсистемных образований и их содержание²⁴ для каждого государства является индивидуальной.

Например, в России основными отраслями права считаются конституционное (государственное) право, административное право, уголовное право, гражданское право, семейное право, трудовое право, финансовое право, налоговое право, таможенное право, земельное право, уголовно-исполнительное право, гражданско-процессуальное право, уголовно – процессуальное право и административно-процессуальное право. В составе наиболее крупных отраслей права есть подотрасли, например, в составе гражданского права выделяется жилищное, авторское, наследственное право, в трудовом праве – право социального обеспечения. На основе каждой отрасли права и их институтов сформированы, формируются или могут быть сформированы межсистемные образования.

Наряду с основными отраслями в системе российского права выделяют так называемые комплексные отрасли (межотраслевые образования). Их особенностью является то, что они формируются на стыке двух или нескольких основных отраслей права (как бы складываются из их норм) в силу чего у них фактически отсутствует собственный метод правового регулирования. С теми или иными оговорками к ним обычно относят предпринимательское право, хозяйственное право, муниципальное право, экологическое (природоохранительное) право, коммерческое право, банковское право, аграрное (или сельскохозяйственное) право. Кроме того, в российском праве принято выделять его подсистемы (разделы, надотраслевые образования). Так, в зависимости от методов правового регулирования, российское право первоначально подразделяется на публичное и частное право, на материальное и процессуальное право. МЧП, например, сформировано именно на основе такого подхода. Каждый из таких элементов системы нашего права также (в принципе) может выступать базой для формирования межсистемного образования.

Не ввязываясь в бесплодные и нескончаемые дискуссии, дипломатично отметим, что в настоящее время в доктрине обсуждаются вопросы о зарождении (существовании) и иных отраслей (комплексных отраслей) российского права.

В то же время следует признать, что для целей

конкретных научных исследований в доктрине за основу формирования межсистемных образований могут быть положены и иные подходы.

10. Международное право, также как и национальное право, по предмету и методу правового регулирования, делится на подсистемы, межотраслевые комплексы, отрасли права, институты права и т.д. Но зеркального отражения существующих конкретных институтов и отраслей национального права в международном праве не существует. Это – разные типы права, созданные для регулирования качественно разнородных общественных отношений, поэтому никакой симметрии систем права здесь быть не может (тем более, что структура системы права у разных государств не совпадает даже между собой). Так, в международном праве в виде его отраслей нет никакого семейного, трудового или, скажем, гражданского права. В то же время, в нем есть отрасли права (уважение и защита прав человека, морское право, космическое право), которых мы не находим в качестве отраслей в национальном праве²⁵.

В результате международно-правовые нормы, направленные на урегулирование трансграничных общественных отношений, оказываются, с позиции системы национального права, как бы «разбросанными» по всему массиву международно-правовых актов. Поэтому в соответствующих случаях самим государствам (а также правоприменителям и даже отдельным авторам) приходится, подобно почтовым сортировочным машинам, «раскладывать» международно-правовые нормы по нужным «ячейкам», система которых (в виде системы национального права) уже установлена.

11. Общей особенностью межсистемных образований является достаточно широкое применение ими коллизионных норм. При этом специфика закрепления таких норм на уровне отдельных образований проявляется в том, что применительно к частноправовой сфере регулирования они в большей части содержатся в национальном праве, а применительно к публичной сфере – в международных договорах.

12. Сама реализация требований самоисполнимых международно-правовых норм, если иное не вытекает из закона, договора или существа регулируемых отношений, может быть поставлена в зависимость от воли участников правоотношения. Так, Конвенция УНИ-

¹⁶ Отметим, что в подобных ситуациях государства не занимаются формированием межсистемных образований на базе таких отраслей и институтов международного права, а идут по пути включения соответствующих норм в межсистемные образования, формируемые на базе отраслей и институтов своего национального права.

ДРУА О международном финансовом лизинге 1988 г.²⁶ в п. 1 ст. 5 предусматривает, что ее применение «может быть исключено ... в случае, если каждая из сторон договора поставки и каждая из сторон договора лизинга дает на это согласие». А в п. 2 ст. 5 добавляет: «Если применение настоящей Конвенции не исключено в соответствии с предыдущим пунктом, стороны могут в своих взаимных отношениях отступать от тех или иных ее положений или вносить изменения в возможные их последствия» (за некоторыми исключениями). Статья 6 Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. также предоставляет сторонам регулируемых трансграничных отношений право исключить ее применение либо отступить от ее положений.

Но это – в частноправовой сфере. Принцип автономии воли, как правило, не затрагивает публично-правовую сферу²⁷.

13. В рамках межсистемных образований, в качестве непосредственно регулирующих трансграничные отношения норм, могут применяться и нормы иностранного права. Важно, что при этом эти нормы остаются нормами права именно иностранного государства, причем они должны применяться «в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве» (п. 1 ст. 1191 ГК РФ). Такие национальные нормы права другого государства имеют такую же силу, что и нормы отечественного права, но эта сила не есть следствие «экстерриториальности» воли создавшего их иностранного государства, а является проявлением суверенной воли государства, санкционировавшего их применение. Еще раз отметим, что непосредственное регулирование нормами иностранного права трансграничных общественных отношений не трансформирует, не превращает эти отношения во внутригосударственные отношения иностранного государства, как не происходит и трансформации субъектов регулируемых отношений в субъекты права иной национальной правовой системы. Отношения остаются транснациональными.

На протяжении столетий ученый мир пы-

тался ответить на вопрос о том, чем же объясняется непосредственное действие норм одного суверенного государства на территории другого такого же суверенного государства? Из отечественных авторов, рассматривавших различные теории в этой области, следует отметить работы Н.П. Иванова [Иванов 2009] (XIX в.), М.И. Бруна [Брун 2009] (начало XX в.), А.А. Рубанова [Рубанов 1984] (80-е годы XX века), Ю.Э. Монастырского [Монастырский 1994] (конец XX века), С.К. Галимуллиной²⁸, И.Ю. Гаспаревич [Гаспаревич 2008], И.М. Солиева [Солиев 2012] (начало XXI в.) и др.

Этот вопрос несколько выходит за рамки темы настоящей статьи и наш интерес к выдвигаемым по указанному вопросу концепциям объясняется тем, что в них легко увидеть определенные параллели с аргументацией возможности или невозможности применения в качестве регуляторов трансграничных общественных отношений международно-правовых норм. Так, например, глава «Йельской школы» В. Кук еще в середине прошлого века исходил из того, что нормам иностранного права никогда не придается юридического значения, что суд всегда применяет только право своей страны. В рамках этого процесса суд «воспринимает как норму собственного права такое правило поведения (и придает ему обязательную силу), которое идентично или, по меньшей мере, по своему объему в высшей степени подобно правилу поведения, найденному в системе права, существующей в другом государстве или стране» [Cook 1942:20-21].

Все это говорилось до появления теории трансформации, но сильно напоминает аргументы ее современных сторонников.

14. Поскольку на урегулирование трансграничных отношений могут одновременно претендовать несколько национальных право порядков, выбор применимого права, если иное не вытекает из закона, договора или существа регулируемых отношений, может быть поставлен в зависимость от воли правоприменителя или даже от воли участников правоотношения²⁹.

15. В рамках регулирования трансграничных отношений у источников правовых систем, участвующих в этом процессе, стали появлять-

²⁶ Собрание законодательства РФ. 09.08.1999. № 32. Ст. 4040.

²⁷ См., например: Инструктивное письмо Государственного таможенного комитета Российской Федерации от 15 сентября 1995 года № 01-13/13244. О применении правовых актов в таможенном деле. Доступ: <https://www.lawmix.ru/zkrf/51059> (дата обращения: 29.04.2017)

²⁸ Галимуллина С.К. Применение иностранного права в международном частном праве: теория, законодательство и судебная практика Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. Казань. 2006.

²⁹ См., например, формулировки ст. 1186, 2010 ГК РФ.

ся совершенно новые, ранее не свойственные им черты. Так, в международном праве соответствующие источники сохранили свою внешнюю форму (это – международный договор и международный обычай), но по своему содержанию они стали ближе к национальным нормативно-правовым актам. Возьмите Венскую конвенцию о праве международных договоров купли-продажи 1980 г. По своей форме это – международный договор. Но вызывают затруднение попытки найти в этом объемном международно-правовом документе правовую норму, непосредственно направленную на регулирование межгосударственных отношений. Практически все закрепленные в этой конвенции нормы права направлены исключительно на регулирование трансграничных общественных отношений и их формулировки больше свойственны национальному законодательству. Не удивительно, что государства часто просто санкционируют непосредственное применение этих норм в качестве регуляторов соответствующих отношений.

Можно согласиться с тем, что относящиеся к сфере регулирования трансграничных отношений «международные договоры, содержащие коллизионные или материально-правовые нормы, образуют специальную категорию (класс так называемых правообразующих договоров, договоров-законов) и могут быть легко отделены от таких международных соглашений (политических, военных и т.д.), которые не создают прямых прав и обязанностей для физических и юридических лиц» [Mádl, Vékás 1987:41].

16. На момент возникновения международного частного права (XIX в. и начале XX в.) и семейное право, и трудовое право еще не выделились из гражданского права в самостоятельные отрасли. Все соответствующие отношения рассматривались как частноправовые отношения. В результате государства стали формировать (первые по срокам возникновения) межсистемные образования, положив в основу существовавшую у них на тот момент систему права. Как следствие такого подхода появились национальные МЧП, целью которых стало правовое регулирование не только чисто гражданских, но и семейных, и трудовых трансграничных отношений. Тем не менее, в дальнейшем, с выделением из гражданского права в качестве самостоятельных отраслей семейного и трудового права, МЧП, как межсистемное образование, сохранилось и, несмотря на многочисленные возражения этот формат

фактически остается неизменным до настоящего времени.

17. Межсистемные образования самостоятельными правовыми системами не является, поскольку у них нет «собственных» принципиально новых субъектов, принципиально новых общих методов правового регулирования или источников. Тем не менее, каждое из них обладает системностью, в них в той или иной мере присутствуют многие признаки системы. Так, у любого межсистемного образования можно выделить элементный состав, взаимосвязь и взаимодействие между элементами, наличие структуры и центра системы, а также собственных специфических целей и функций. Роль ядра в межсистемных образованиях играет национальное право, которое придает ему необходимую устойчивость. Взаимосвязанность и взаимозависимость его элементов (несмотря на то, что эти элементы имеют свою самостоятельность) обусловлены, прежде всего:

- единым предметом правового регулирования (скажем, для МЧП это – трансграничные отношения частного характера);

- общим методом (методами) правового регулирования;

- определённым единством правового регулирования, которое находит свое внешнее проявление, например, в процессе унификации правовых норм (причем не только коллизионных, но и материальных), в совместном изменении характера правового регулирования некоторых отношений, в практике разработки и принятия международных договоров, содержащих материальные нормы, направленные, в том числе, на непосредственное регулирование трансграничных отношений в целом или тех или иных их видов, в частности, и др.;

- существующей иерархичностью норм, как в рамках отдельных правовых систем, так и на межсистемном уровне и др.

18. Современное право (как таковое) по своей структуре представляет собой не только совокупность множества национальных правовых систем и самостоятельной правовой системы – международного права. Межсистемные образования также стали элементами этой структуры, хотя самостоятельными правовыми системами они не являются. Выступая в форме межсистемных правовых связей, такие образования обеспечивают взаимосвязанность и взаимозависимость основных элементов права, а также дополнительную устойчивость всей его структуры в целом.

19. Дополнительной проблемой для понимания правовой природы межсистемных образований является то, что сегодня для определения совершенно разных совокупностей правовых норм, регулирующих трансграничные отношения, применяется одна и та же терминология. Но нашему мнению, межсистемное образование это не отрасль, не правовой институт или какая-либо иная часть национального права конкретного государства (хотя, как часть, оно существует и в этом качестве, например, часть 3 ГК РФ). Оно не является и отраслью, правовым институтом, иным структурным элементом международного права (хотя, как часть, оно существует и здесь в виде массива международно-правовых норм, направленных на регулирование частноправовых трансграничных отношений определенного вида). Тем более оно не является отраслью, правовым институтом или иной частью только иностранного права (хотя, как часть, оно также существует и в этом качестве). Искусственно вычленив эти составляющие, конечно же, возможно (например, для целей конкретного научного исследования или в рамках преподавания

соответствующих дисциплин). Но это ни в коей мере не означает возможность «разорвать» разнораспределенные нормы (и их источники), когда речь идет об их совместном урегулировании трансграничных отношений того или иного вида, не говоря уже о регулировании конкретных трансграничных отношений.

Исходя из сказанного, можно сделать следующие выводы:

1. *Межсистемные образования* представляют собой формируемые на основе крупных структурных элементов системы национального права каждого современного государства устойчивые совокупности коллизионных и материальных собственных и иностранных, а часто и международно-правовых норм, направленных на урегулирование того или иного вида трансграничных общественных отношений.

2. Думается, что на вопрос о том, субъектами какого права выступают индивиды в том случае, когда они становятся участниками трансграничных правоотношений, может быть только один ответ: они являются субъектами соответствующих межсистемных образований.

Список литературы

1. Ануфриева Л.П. 2002. *Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории*. М.: Спарк. 415 с.
2. Братусь С.Н., Венгеров А.Б. 1975. Понятие и содержание и формы судебной практики. - *Судебная практика в советской правовой системе*. М.: Юрид. лит. С. 8-74.
3. Брун М.И. 2009. *Международное частное право*. - *Золотой фонд российской науки международного права*. Т. II. М.: Междунар. отношения. С. 103-328.
4. Воронов А. Ф. 1987. *Международный гражданский процесс как межсистемный комплекс*. - *Вестник Московского университета. Серия 11: Право*. № 3. С. 83-88.
5. Гаспаревич И.Ю. 2008. Историческое развитие коллизионного права. - *Проблемы управления*. №4 (29). С.113-118.
6. Гревцова, Т.П. 1965. *Международный договор в системе источников советского внутригосударственного права*. - *Советский ежегодник международного права*. М.: Наука. С. 171-179.
7. Давид Р., Жоффре-Спинози К. 1997. *Основные правовые системы современности*. М.: Международные отношения. 400 с.
8. Зивс С.Л. 1981. *Источники права*. М.: Наука. 239 с.
9. Иванов Н.П. 2009. *Основания частной международной юрисдикции*. - *Золотой фонд российской науки международного права*. Т. II. М.: Междунар. отношения. С. 59-101.
10. Игнатенко Г.В., Малинин С.А. 1987. Новые тенденции в международном нормотворчестве. - *Советский ежегодник международного права*. М.: Наука. С. 32-46.
11. Левитин А.Б. 1959. К вопросу о предмете международного частного права - *Правоведение*. № 3. С. 95-101.
12. Лунц Л.А. 1968. Соотношение международного договора и внутригосударственного закона в гражданском и трудовом праве. - *Ученые записки ВНИИСЗ*. Вып. 14. С. 220-232.
13. Мешера В.Ф. 1963. О международном договоре как источнике советского права. - *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. № 1. С. 124-126.
14. Монастырский Ю.Э. 1994. Некоторые вопросы разрешения споров на основе иностранных законов. - *Законодательство и экономика*. № 19. С.10-20.
15. Мюллерсон Р.А. 1982. О соотношении международного публичного, международного частного и национального права. - *Советское государство и право*. № 2. С. 80-89.
16. Нефедов, Б.И. 2012а. Триптих. Межсистемные образования в праве. Часть 1. - *Евразийский юридический журнал*. № 8 (51). С 35-38.
17. Нефедов, Б.И. 2012б. Триптих. Межсистемные образования в праве. Часть 2. - *Евразийский юридический журнал*. № 9 (52). С 24-28.
18. Нефедов, Б.И. 2012с. Триптих. Межсистемные образования в праве. Часть 3. - *Евразийский юридический журнал*. № 10 (53). С 59-63.
19. Рубанов А.А. 1984. *Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем*. М.: Наука. 159 с.
20. Солиев И. М. 2012. К вопросу о теоретических основах международного взаимодействия националь-

- ных правовых систем и применения иностранного права. - *Вестник ТГУПБП*. №4 (52). С.45-56.
21. Храбсков В.Г. 1982. Международное частное право в системе общего международного права. - *Правоведение*. № 6. С. 34-38.
  22. Ago R. 1934. *Teoria del diritto internazionale private. Parte generale*. Padova: Cedam. 299 s.
  23. Batiffol H., Lagarde P. 1993. *Droit international prive*. 8 ed. T 1. Paris: LGDJ. 656 p.
  24. Cook W. W. 1942. *The Logical and Legal Bases of the Conflict of Laws*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 458p.
  25. Garrison M., Davis R., Reitzel J., Severance G. 1994. *Contemporary Business Law and the Legal Environment. Principles and Cases*. 5th ed. N.Y.: McGraw-Hill College. 1407 p.
  26. Kalensky P. 1971. *Trends of private international law*. Prague: Academia. 308 p.
  27. Kegel G. 1979. Paternal Home and Dream Home: Traditional Conflict of Laws and the American Reformers. - *American Journal of Comparative Law*. Vol. 27. P. 616-621.
  28. Madl F., Vekas L. 1987. *The Law of Conflicts and Foreign Trade*. Budapest: Akademiai Kiado. 380 p.
  29. North P. M. 1974. *Cheshire's. Private International Law*. London: Butterworths. 740 p.
  30. Алтенов И. 1955. *Международно частно-правната система на Народна Република България*. София: Българската Академия на науките. 406 с.
  31. Кутиков В. 1976. *Международно частно право на Народна Република България*. София: Наука и Изкуство. 591 с.
  32. Сталев Ж. 1982. *Същност и функция на международното частно право*. София: Наука и изкуство. 296 с.
  8. David R., Zhoffre-Spinozi K. *Osnovnye pravovye sistemy sovremenности* [Main Legal Systems of Modernity]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 1997 400 p. (in Russ.)
  9. Garrison M., Davis R., Reitzel J., Severance G. *Contemporary Business Law and the Legal Environment. Principles and Cases*. 5th ed. N.Y.: McGraw-Hill College. 1994. 1407 p.
  10. Gasparevich I.Yu. 2008. Istoricheskoe razvitiye kollizionnogo prava [Historical Development of Conflict of Laws]. - *Problemy upravleniya* [Problems of Governance]. 2008. №4 (29). P.113 -118. (in Russ.)
  11. Grevtsova, T.P. *Mezhdunarodnyi dogovor v sisteme istochnikov sovetskogo vnutrigosu-darstvennogo prava* [International Treaty in the System of Sources of Municipal Law]. - *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava* [Soviet Yearbook of International Law]. Moscow: Nauka Publ. 1965. P. 171 -179. (in Russ.)
  12. Ignatenko G.V., Malinin S.A. *Novye tendentsii v mezhdunarodnom normotvorchestve* [New Tendencies in International Rulemaking]. - *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava* [Soviet Yearbook of International Law]. Moscow: Nauka Publ. 1987. P. 32-46. (in Russ.)
  13. Ivanov N.P. *Osnovaniya chastnoi mezhdunarodnoi yurisdiksii* [The Bases for Private International Jurisdiction]. - *Zolotoi fond rossiiskoi nauki mezhdunarodnogo prava*. T. 2. [Golden Fund of Russian International Law Science. Vol. II]. Moscow: Mezhdunar. Otnosheniya Publ. 2009. P. 59-101. (in Russ.)
  14. Kalensky P. *Trends of private international law*. Prague: Academia. 1971. 308 p.
  15. Kegel G. *Paternal Home and Dream Home: Traditional Conflict of Laws and the American Reformers*. - *American Journal of Comparative Law*. 1979. Vol. 27. P. 616-621.
  16. Khrabskov V.G. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo v sisteme obshchego mezhdunarodnogo prava* [Private International Law in the System of International Law]. - *Pravovedenie* [Legal Studies]. 1982. № 6. P. 34-38. (in Russ.)
  17. Kutikov V. *Mezhdunarodno chastno pravo na Narodna Respublika Bulgariya* [Private International Law of People's Republic of Bulgaria]. Sofiya: Bulgarskata Akademiya na naukite Publ. 1955. 406 p. (in Bulgarian)
  18. Levitin A.B. *K voprosu o predmete mezhdunarodnogo chastnogo prava* [About the Subject of Private International Law]. - *Pravovedenie* [Legal Studies]. 1959. № 3. P. 95-101. (in Russ.)
  19. Lunts L.A. *Sootnoshenie mezhdunarodnogo dogovora i vnutrigosudarstvennogo zakona v grazhdanskom i trudovom prave* [The Correlation between International Treaty and National Law in Civil and Labor Law]. - *Uchenye zapiski VNIISZ* [Scientific Papers of VNIISZ]. 1968. Issue. 14. P. 220-232. (in Russ.)
  20. Madl F., Vekas L. *The Law of Conflicts and Foreign Trade*. Budapest: Akademiai Kiado. 1987. 380 p.
  21. Meshera V.F. *O mezhdunarodnom dogovore kak istochnike sovetskogo prava* [About International Treaty as a Source of Soviet Law]. - *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie* [The Papers of Higher Education Institutions. Legal Studies]. 1963. № 1.P. 124 - 126. (in Russ.)
  22. Monastyrskii Yu.E. *Nekotorye voprosy razresheniya sporov na osnove inostrannykh zakonov* [Some Issues of Dispute Resolution under Foreign Legislation]. -

- Zakonodatel'stvo i ekonomika* [Legislation and Economics]. 1994. № 19. P.10-20. (in Russ.)
23. Myullerson R.A. O sootnoshenii mezhdunarodnogo publichnogo, mezhdunarodnogo chastnogo i natsional'nogo prava [About the Correlation between Public and Private International Law]. - *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law]. 1982 № 2. P. 80-89. (in Russ.)
  24. Nefedov, B.I. Triptikh. Mezhsistemnye obrazovaniya v prave. Chast' 1 [Triptych. Inter-system Formations in Law. Part 1]. - *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Juridical Journal]. 2012a. № 8 (51). P. 35-38. (in Russ.)
  25. Nefedov, B.I. Triptikh. Mezhsistemnye obrazovaniya v prave. Chast' 2 [Triptych. Inter-system Formations in Law. Part 2]. - *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Juridical Journal]. 2012b. № 9 (52). P. 24-28. (in Russ.)
  26. Nefedov, B.I. Triptikh. Mezhsistemnye obrazovaniya v prave. Chast' 3 [Triptych. Inter-system Formations in Law. Part 3]. - *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Juridical Journal]. 2012c. № 10 (53). P. 59-63. (in Russ.)
  27. North P. M.. *Cheshire's. Private International Law*. London: Butterworths. 1974. 740 p.
  28. Rubanov A.A. *Teoreticheskie osnovy mezhdunarodnogo vzaimodeistviya natsional'nykh pravovykh sistem* [Theoretical Issues of International Cooperation of National Legal Systems]. Moscow: Nauka Publ. 1984. 159 p. (in Russ.)
  29. Soliev I. M. K voprosu o teoreticheskikh osnovakh mezhdunarodnogo vzaimodeistviya natsional'nykh pravovykh sistem i primeneniya inostrannogo prava [On the Issue of Theoretical Grounds of International Mutual Interaction of National Legal Systems and Application of Foreign Law]. - *Vestnik TGUPBP* [Bulletin of TGUPBP]. 2012. №4 (52). P.45-56. (in Russ.)
  30. Stalev Zh. *Syshchnost' i funktsiya na mezhdunarodnogo chastno pravo* [The Essence and Functions of Private International Law]. Sofiya: Nauka i izkusstvo Publ. 1982. 296 p. (in Bulgarian)
  31. Voronov A. F. Mezhdunarodnyi grazhdanskii protsess kak mezhsistemnyi kompleks [International Civil Procedure as an Intersystem Complex]. - *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* [Bulletin of Moscow State University. Series 11: Law]. 1987. № 3. P. 83-88. (in Russ.)
  32. Zivs S.L. *Istochniki prava* [Sources of Law]. Moscow: Nauka Publ. 1981. 239 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Борис Иванович Неведов

доктор юридических наук, профессор, кафедра международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России 119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 76
boris-nefedov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7762-5979

About the Author

Boris I. Nefedov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
boris-nefedov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7762-5979